
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.17

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Социальная инженерия против социальных исследований или возможна ли «меняющая/решающая социология»? По материалам IX социологической Грушинской конференции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 410—420. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.17>.

For citation:

Peshkova V. M. (2019) Social engineering versus social studies or is “changing/decisive sociology” possible? Based on the IX Grushin sociological conference proceedings.. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 410—420. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.17>.

В. М. Пешкова

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ «МЕНЯЮЩАЯ/РЕШАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ»? ПО МАТЕРИАЛАМ IX СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ «МЕНЯЮЩАЯ/РЕШАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ»? ПО МАТЕРИАЛАМ IX СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

SOCIAL ENGINEERING VERSUS SOCIAL STUDIES OR IS “CHANGING/DECISIVE SOCIOLOGY” POSSIBLE? BASED ON THE IX GRUSHIN SOCIOLOGICAL CONFERENCE PROCEEDINGS.

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

Vera M. PESHKOVA¹ — *Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow*

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

---

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Ключевые слова: Грушинская конференция, социальная инженерия, научный диспут, границы профессии, исследовательская индустрия, российское общество

Keywords: Grushin sociological conference, social engineering, scientific dispute, research industry, Russian society, professional boundaries

*Много лет мы вместе: двое
как единый организм,
за окошком ветер воет,
навевая оптимизм.*

Игорь Губерман

Это ироническое четверостишие Игоря Губермана, которым С. Хайкин, советник руководителя Федерального агентства по делам национальностей РФ, предварил одну из секций IX Грушинской социологической конференции, вполне может служить эпиграфом ко всем мероприятиям научного события. Дело в том, что «сочетание власти и социологов», по выражению упомянутого спикера, становится все более актуальным год от года. В последнее десятилетие, например, организация управления и многие управленческие практики в России строятся вокруг реализации различных стратегий и проектов. В частности, самые известные из них — приоритетные национальные проекты «Жилье», «Здоровье» и «Образование» — были предложены президентом России Владимиром Путиным 5 сентября 2005 г. Их реализация, как ожидалось, должна была привести к положительным изменениям в социально-экономической, психологической, общественной-политической сферах страны. В 2019 г. число проектов выросло до 12, их сгруппировали в три категории: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Их исполнение рассчитано до 2024 г. включительно¹. Кроме федеральных свои проекты разрабатывают и реализуют отдельные регионы.

В связи с этим многие управленческие практики ориентируются на проектную логику, в частности, на социальное проектирование и конструирование. Последние являются основными инструментами социальных технологий и социальной инженерии, которая выступает одним из способов соединения науки и практики в социальном управлении. Ее предметная область характеризуется: а) ориентацией на изучение и изменение таких объектов, как социальные институты, социальные (формальные) организации, организованные группы; б) установкой на применение научных методов и средств в практике социального управления; в) нормативной регуляцией; г) внутренней дифференциацией в соответствии с типом объекта и используемыми подходами [Резник, 1994: 92—94].

Необходимость научного обеспечения и осмысления социальных изменений, потребности широкого круга руководителей, управленцев и предпринимателей, других специалистов-практиков в принятии научно обоснованных управленческих решений, объясняют, почему социоинженерная проблематика была выбрана

¹ Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 10.04.2019).

главной темой для очередной организованной ВЦИОМ Грушинской конференции. Участники научного события имели возможность посетить около 30 секций, круглых столов, креативных и культурных мероприятий, где были представлены выступления более 150 спикеров — ведущих представителей исследовательской индустрии, органов федеральной и региональной власти, бизнеса, некоммерческого сектора, федеральных СМИ.

Главная тема конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир» охватывает проблематику феномена «меняющей/решающей социологии» и включает вопросы, могут и должны ли исследования социальной реальности измеряться через призму того, насколько их результаты изменили эту самую реальность. Помимо главной темы программа конференции включила в себя несколько традиционных тематических линеек мероприятий: методику исследований, инфраструктуру отрасли и организацию профессионального сообщества, а также специальные секции партнеров и мастер-классы.

Общую тональность и высокий уровень конференции задало традиционно открывающее конференцию пленарное заседание «Россия — страна возможностей?». Ее участники, руководители ведущих исследовательских компаний, органов федеральной и региональной власти, сфокусировались на том, какой ответ среди управленцев и социальных исследователей находит общественно-политический запрос на развитие страны и как при этом организуется взаимодействие между властью и обществом, какую роль в этом взаимодействии играет социальная наука и, в частности, социология.

Отвечая на вопрос, в чем состоят эти возможности развития и будущего страны для различных слоев и групп российского населения, многие спикеры отметили, что российское общество, вслед за всем миром, становится все более фрагментированным и многосоставным, что не может не отражаться как на методологии социальных исследований, так и на постановке задач, формулировании и реализации различных государственных и управленческих стратегий и практик. Иными словами, целевые группы уже не могут быть определены однозначно, как раньше, поэтому работа и исследователей и управленцев должна быть более дифференцирована, настроена на маленькие группы.

Исходя из этой глобальной теоретической установки, президент ФОМ А. Ослон предлагает категоризировать население России в соответствии с ориентацией на успех и, следовательно, на определение респондентами своих возможностей. Спикер выделяет четыре условные категории населения, это люди: 1) «проектов — будущего»; 2) «службы — порядка»; 3) «дела — стабильности»; 4) «заботы — государства». Работа «людей проектов» состоит в достижении результата, они ориентируются на успех, им нужны возможности для развития. «Люди службы» работают не для достижения результата, а следуя ясным и четким образцам, поэтому для них успех заключается в служебном росте. «Людям дела» необходимы гарантии стабильности, поэтому ключевая мотивация успеха для них — признание. Главное условие повседневной жизни последней категории людей — забота, в том числе со стороны государства.

Руководитель исследовательской группы ЦИРКОН И. Задорин также поддержал тезис, что социальное пространство стало более многомерным, поэтому совре-

менное российское общество следует перестать изучать простыми обобщающими способами. И поиск ответа на вопрос о возможностях России должен исходить из точки зрения критических уровней разнообразия и дифференциации. Причем, подчеркивает спикер, этот рост разнообразия является вызовом не только исследователям общества, но и в такой же, если не большей, степени, управленцам, поэтому эффективность повышается именно в совместной работе.

Другой программный тезис пленарного заседания можно сформулировать, как «видеть и деревья, и лес». Как подчеркнул секретарь общественной палаты РФ В. Фадеев, акцент только на фрагментированности может привести к потере аналитичности, поэтому любую проблемную социальную и управленческую ситуацию следует рассматривать в контексте проблем единого российского государства.

Главные вопросы конференции состояли в том, как определить социальную инженерию, насколько она совместима с деятельностью социолога, насколько компетенции и функции социолога исследователя и социального технолога могут и должны совпадать. Хотя все мероприятия конференции, так или иначе, касались темы «меняющей/решающей» социологии, более подробно рассмотрим только секции, вошедшие в линейку мероприятий, давшей название всей конференции.

Свое видение этой темы организаторы конференции генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров и руководитель исследовательской группы ЦИРКОН И. Задорин представили на секции «О границах профессии. Или можно (нужно) ли социологу становиться социальным инженером?», ставшей одним из самых ярких событий научного мероприятия. Отправной точкой диспута стали положения, высказанные руководителями ведущих исследовательских центров в ходе интервью в рамках проекта «Лица конференции»².

И. Задорин предлагает определять социальную инженерию как деятельность по разработке инструментов и технологий социальных изменений, или в широком смысле технологий социального управления, а также сопровождению внедрений этих технологий в социальную практику. По его мнению, есть три профессиональные социологические позиции: социолог-исследователь, социолог-прикладник (управленец) и социальный активист (инженер), изменяющий социальную действительность. По мнению диспутанта, совмещение этих профессий одним человеком имеет множество ограничений — как этических, так и профессиональных. И. Задорин аргументирует это тем, что компетенции исследователя по определению отличаются от компетенций государственного или бизнес-управленца, поэтому совмещение этих позиций может привести к размыванию профессиональной самоидентификации и к утрате признания профессиональным сообществом. Наконец, профессионализм социолога предполагает дистанцированность от объекта исследования, а также стремление к максимальной объективности, что невозможно совместить с задачами социального инженера, которые не могут быть независимыми. Поэтому социолог может перейти в социальную инженерию, оставив перед этим исследовательскую деятельность.

² Лица конференции: [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica_konferencii/#zadorin; https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica_konferencii/#fedorov (дата обращения: 09.04.2019).

Озвучивая свою позицию, В. Федоров начал с того, что в настоящее время многие заказчики социологических исследований заинтересованы не только в описании социальной реальности целевой аудитории, но и в рекомендациях относительно того, как это может быть применимо в управленческой практике. Причина актуальности и все возрастающей востребованности социальной инженерии, а значит, и такой профессии, как социальный инженер, по его мнению, обусловлена несколькими глобальными трендами, среди которых сжатие времени и рост фрагментированности общества. Из-за сжатия времени на принятие решений остается все меньше времени и, следовательно, именно социологи, как ближе всего находящиеся к социальной реальности, могут оперативно изучать изменения и реагировать на них. Усложнение и фрагментированность общества, в свою очередь, заставляют детализировать запросы, чтобы учитывать эти различия при изучении и проектировании управленческих решений. Поэтому поиск ответа на эти запросы требует междисциплинарного подхода. Иными словами, сама общественно-политическая реальность российского общества последних лет вынуждает многих социологов начать заниматься социальной инженерией. В связи с этим, на взгляд второго диспутанта, в рамках профессионального социологического сообщества наряду со специалистами, например, по выборке, должны быть и социальные инженеры как еще одна профессия. Но требования к его компетенциям более высокие, чем к исследователям. В идеале в один творческий коллектив следует включать как социологов, так и социальных инженеров.

Таким образом, хотя участвующие в диспуте заявлялись с диаметрально противоположными позициями, можно заметить, что в их тезисах много общего. Оба диспутанта полагают, что профессиональные компетенции социолога и социального инженера различаются, что позволяет определять их как разные профессии. Причем компетенция социального инженера — самая сложная, которая должна быть освоена социологическим сообществом. В. Федоров и И. Задорин также сошлись в том, что социальная инженерия требует особого внимания в плане этики, своего профессионального кодекса, в том числе со стороны профессионального социологического сообщества.

Одно из знаковых мероприятий — секция «Методология социальной инженерии. Как создается симбиоз научного знания и практического действия», она была посвящена обсуждению разнообразия подходов к теоретико-методологическому обоснованию социально-инженерной деятельности как практической. Участники секции также пытались найти ответ на вопрос, как согласовать действия трех основных участников социально-инженерной деятельности: бенефициариев (управленцев или представителей бизнеса, заказчиков проектов и т. п.), продуцирующих научное знание исследователей-практиков или консультантов и разрабатывающих различные объяснительные и аналитические модели теоретиков и практиков.

Один из форматов такого взаимодействия, по мнению А. Расходчикова, сопредседателя Фонда «Московский центр урбанистики «Город» — социальная экспертиза в сфере управления городскими программами и проектами. По его мнению, экспертиза как социальная технология должна базироваться на следующих теоретико-методологических подходах: на человеко-средовом подходе [Дридзе, 1994], на подходе субъект-субъектных отношений в управлении [Тихонов, 2007],

на популяционно-селекционной модели организационного развития [Щербина, 2015]. Их эффективность докладчик показал на реальных примерах развития городской среды, строительства новых городских объектов с учетом обследования интересов локальных территориальных сообществ Москвы и Калининграда.

С. Кордонский, председатель экспертного совета Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», заведующий кафедрой местного самоуправления НИУ ВШЭ, Москва, полагает, что для понимания роли участников социально-инженерной деятельности следует учитывать особенности социальной структуры современного российского общества. Исходя из его определения как преимущественно сословного, одной из основных движущих сил, в том числе в управленческой практике, по его мнению, является основанная на угрозах ресурсная система. В таком обществе бюджет распределяется так, чтобы освоить ресурсы на нейтрализацию угроз. На основе введенной им в научную практику методологии веерной матрицы С. Кордонский представил оригинальную систему ранжирования угроз, базирующуюся на оценке вероятности их реализации и отношений между различными типами угроз. Угрозы представлены как отношения между природными, экономическими и технологическими угрозами, то есть как следствие того, что каждый тип угрозы значим, когда он проецируется на другой тип угроз. Например, экономические угрозы, такие как ожидание исчерпания каких-либо ресурсов, могут иметь природные и технологические следствия. Докладчик также представил количественную оценку вероятности затрат на нейтрализацию угроз в зависимости от ее ранга.

Своё видение роли социальной инженерии как сферы практического действия предложила профессор Брянского филиала РАНХиГС С. Барматова. Автор доклада определила цель социально-инженерной деятельности в выработке нового социального алгоритма, позволяющего обеспечить скоординированность человеческих действий в соответствии с изменившимися условиями. Социально-инженерная деятельность может быть на нескольких уровнях: глобальном, национальном, отраслевом или региональном, групповом и личностном или индивидуальном. В частности, на глобальном уровне она носит системный характер с последующим составлением комплексных программ и с приданием им правового статуса. Разработки на государственном или национальном уровне ориентированы на создание правительственных, ведомственных и межведомственных государственных комплексных программ и проектов. На личностном или индивидуальном уровне разработки ориентированы на решение проблем отдельного человека или типовых социальных проблем личности. В заключение спикер сформулировала несколько рекомендаций, призванных, по ее мнению, методологически укрепить социальную инженерию как научно-практическую деятельность в России. В частности, предложено ввести процедуру и инструментарий социально-инженерного мониторинга социальных процессов; в образовательный стандарт подготовки госслужащих добавить курс социальной инженерии; организовать должность социального инженера в проектных офисах.

Руководитель Школы социального дизайна А. Долгоруков, ведущий научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, сформулировал свое выступление довольно провокативно: «Нужен ли России такой архаичный и неэффективный подход

к инновациям — социальная инженерия?». Представив краткую историю и эволюцию отечественных подходов к социально-управленческой и консультационной деятельности, докладчик остановился подробнее на авторской концепции социального дизайна. Социальный дизайн, основанный на антропо-социо-культурной модели, с его точки зрения, является более точным определением для деятельности по созданию и преобразованию социальных систем любого уровня, чем социальная инженерия.

Подвел итоги обсуждения теоретико-методологических особенностей социальных исследований и социально-инженерной деятельности директор по стратегическому развитию ВЦИОМ С. Львов. Он отметил, что любому представителю исследовательской индустрии приходится сталкиваться с необходимостью выбора между легитимностью и эффективностью. Спикер предложил классификацию исследовательских задач в зависимости от сложности и степени неопределенности управленческой проблематики, а также выделил четыре категории исследовательских задач: spin-doctoring (простые задачи и определенность), флагманская кампания (сложные задачи и определенность), проектирование (простые задачи и неопределенность), производство смыслов (сложные задачи и полная неопределенность). Наложенные на триаду коммуникации Н. Лумана, а именно информацию, сообщение и понимание, эти категории исследовательских задач, по мнению докладчика, создают матрицу возможных управленческих решений. Каждую из этих задач докладчик проиллюстрировал примерами из исследовательской практики ВЦИОМ.

В дискуссию «Сегодня в исследовании — завтра в законе» вошли кейсы, посвященные тому, как выстраивается коммуникация между политиками или управленцами и социологами, какую роль конкретные социальные исследования играют в реальной управленческой практике, в каких случаях это взаимодействие оказывается успешным или неуспешным с точки зрения социальных изменений в соответствии с социальными ожиданиями.

Заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН О. Александрова продемонстрировала, как работа по составлению социологического портрета предпенсионеров стала источником совершенствования законодательства и работы службы занятости. На основе комплексных социологических исследований 2017—2018 гг. спикер представила результаты анализа проблем трудоустройства и занятости слабозащищенных слоев населения Москвы: инвалидов, родителей с несовершеннолетними детьми, молодежи, выпускников, граждан предпенсионного и пенсионного возраста. Исходя из результатов исследования, автор доклада сформулировала рекомендации органам власти и службам занятости в области решения проблем этой категории граждан. Среди них, в частности, совершенствование системы учета и анализа положения на рынке труда, повышение эффективности обратной связи в системе трудоустройства, совершенствование работы специалистов медико-социальной экспертизы и др.

Заведующий кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета В. Кашпур представил успешный пример взаимодействия власти и общества в Томской области. Переход на постоянное зимнее время

в 2014 г. вызвал поток обращений жителей области в местные органы власти, что побудило депутатов обратиться к изучению общественного мнения относительно перспективы смены часового пояса. И в этом случае, по выражению спикера, «желание спросить население совпало с желанием населения высказаться по этому поводу». Инициированное властью исследование относительно смены часового пояса вызвало беспрецедентно широкий резонанс в публичном пространстве Томской области. В результате в 2016 г. Государственная дума РФ проголосовала за законопроект о переходе области в шестую часовую зону (МСК+4). Этот кейс применения социальных исследований в управленческой практике стал успешным благодаря тому, что тема оказалась близка повседневной жизни значительной части людей и при этом совпала с началом очередного электорального цикла.

Заместитель председателя Общественной палаты РФ по социальной политике, директор исследовательского центра «Особое мнение» Е. Курбангалеева на примерах изменения Федерального закона «Об образовании» и Постановления Правительства «О признании лица инвалидом» рассказала о другом успешном кейсе, когда социологические исследования привели к поправкам в законодательных документах в области социальной политики. В частности, всероссийский комплексный мониторинг переселения из аварийного жилья (сентябрь 2014 — апрель 2015 гг.) привел к введению термина «новое аварийное жилье» — Всероссийский комплексный мониторинг доступности высшего образования для людей с инвалидностью (февраль — ноябрь 2016 г.) к поправкам в ФЗ «Об образовании» № 273-ФЗ, ст. 71, п. 3 (27.06.2018 г.), п. 5 (01.05.2017 г.), а также проведены две «горячие линии» в Общественной палате РФ (конец мая — 1 сентября 2017 г., совместно с Министерством образования РФ, и июнь-сентябрь 2018 г., совместно с Рособрнадзором РФ). Несмотря на положительные примеры взаимодействия социальных исследователей и управленцев, по мнению спикера, недостаточно принять поправки в законодательный акт, необходим дальнейший мониторинг правоприменительной практики.

Старший научный сотрудник Социологического института ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге О. Божков в своем докладе показал коммуникацию между обществом и властью посредством социологических исследований на основе ретроспективного анализа эффекта исследований общественного мнения в советском Ленинграде. Согласно автору доклада, в середине 1970-х гг. по заказу городских органов власти социологи провели оценку отношения населения Ленинграда к городским инициативам в области жилищного вопроса, что привело к отмене решения исполкома о повышении размера коммунальных платежей. В отличие от этого кейса, исследование конца 1980-х гг. об отношении жителей города к проекту «Жилище 2000», итоги которого были также опубликованы в городских газетах, не получило обратной связи властей, в результате чего, по мнению спикера, «жилищный вопрос» Санкт-Петербурга еще долго не будет решен.

Директор по исследованиям Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге К. Титаев в завершающем дискуссию теоретико-методологическом докладе поднял вопрос, следует ли и каким образом информировать о результатах социальных исследований, оказывающих влияние на принятие решений. Спикер разделяет исследования для принятия

решений и исследования, влияющие на принятие решений. Первые, как правило, заказываются и финансируются лицами, принимающими решения, а значит, транслируют повестку и язык описания заказчика. Влияющие на принятие решений исследования никем не заказываются, но нередко поддерживаются (и/или финансируются) группами интересов, опираются на повестку и язык описания исследователя. С точки зрения автора доклада, это разделение сказывается и на логике исследований. Если в исследованиях для принятия решений выявляются вопросы, перед которыми стоит принимающее решение лицо, далее формируется дизайн и проводится исследование, результаты которого либо учитываются, либо игнорируются, то во втором типе исследований вначале определяется социальная проблема, выявляется повестка и стейкхолдеры, затем формируется дизайн и проводится исследование, результаты которого продвигаются. Исследования первого типа редко меняют социальную реальность и, чаще всего — под влиянием политической воли, а второго — могут менять реальность, но медленно, требуют усилий по продвижению. В продвижении результатов очень важны качества принимающих решения лиц: ориентированы они на краткосрочные или на долгосрочные цели.

Проблема, затронутая на последнем мероприятии главной темы конференции «Мониторинг эффективности и эффективность мониторинга», касалась практик использования социологического мониторинга в процессе принятия управленческих решений. Дискуссия, организованная в партнерстве с Общественной палатой РФ и ФОМ, строилась вокруг того, насколько чувствительны существующие системы мониторинга, как они интегрированы в процесс принятия управленческих решений, как строится взаимодействие социологов и представителей федеральных, региональных органов власти в вопросах анализа и интерпретации мониторинговых показателей. Дискуссия состояла из двух частей: о политических аспектах эффективности мониторингов и об особенностях измерения таких «гуманитарных» показателей общества, как оценка благополучия, ценностей, эмоций.

Специалисты ФОМ Н. Гашенина и Е. Орешкова представили обзор существующих в мире подходов и методик изучения подобных «гуманитарных» показателей и на данных исследований ФОМ продемонстрировали, как эти методики работают в российском случае. Сравнивая результаты применения этих методик с данными открытых вопросов, авторы доклада показали, что для россиян счастье, как правило, ассоциируется с семьей и домом, а благополучие — в первую очередь с доходами и благоприятными или неблагоприятными для их получения внешними условиями.

Анализ проблемы измерения удовлетворенности жизнью в постсоветской России продолжил заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Э. Понарин. Обращаясь к данным Всемирного и Европейского исследований ценностей о соотношении удовлетворенности жизнью и паритетом покупательной способности, автор, например, показал, что скандинавские страны, где низкий уровень социального неравенства, входят в число наиболее счастливых стран. Если распространить этот принцип на российские регионы, то самые счастливые люди проживают не в столицах, где самый большой средний доход. Рассматривая динамику ценностных установок современного российского общества, спикер делает вывод, что между двумя путями

к счастью — через достижение материальных целей и идеализацию собственного положения (через религию и через национальную идеологию) — в России более вероятен путь через национальную идеологию.

В центре доклада директора социологического информационно-исследовательского центра «Пультс» Е. Князевой еще один «гуманитарный показатель» общественных настроений и трансформаций. Она продемонстрировала, что эмоции имеют социальную природу, причем основой эмоционального фона являются доминирующие в обществе общие настроения или эмоциональный опыт, отражающие отношение населения к ситуации. На основе данных опроса населения Одессы по отношению к своей жизни и к будущему страны, а также работ Ю. Левады, спикер выделяет две группы эмоций, актуализирующихся в эпоху трансформаций: тревоги и надежды. В массовом сознании тревоги, как правило, выражаются в нефокусированном аморфном беспокойстве, вызванном неизвестностью будущего, а в сознании высокообразованных групп — в виде ожиданий определенного события или явления, грозящего лишениями, бедствиями.

Доклад преподавателя общеуниверситетской кафедры высшей математики НИУ ВШЭ в Москве Д. Сальниковой был посвящен оценке российским населением своего материального положения и их взаимосвязи с реальными доходами во временной динамике. На основе материалов российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2000—2017 гг. автор пришла к выводу о наличии выраженного эффекта адаптации субъективных показателей к изменениям в реальных доходах населения. Причем такие ограничения в использовании оценок материального положения в качестве индикаторов изменений реальных доходов населения в России, как их краткосрочность и различие силы адаптации к реальным доходам в разных группах населения, не позволяют переносить результаты прогнозирования потребительского поведения на основе субъективных показателей на все население в целом.

В завершение сессии проректор Финансового университета при Правительстве РФ А. Зубец рассказал о том, как измерения социальных настроений могут быть вписаны в прогнозирование различных экономических индикаторов, а также о возможностях и ограничениях макроэкономического прогнозирования на основании социальных измерений. Чтобы построить более эффективную модель измерения и экономического прогнозирования, следует перейти от общего показателя удовлетворенности жизнью к показателям более локальным, среди которых, например, готовность вкладываться в покупку товаров длительного пользования средней ценовой категории. Помимо этого, следует наблюдать за пересечением таких экономических показателей, как инвестиционная и инновационная активность с уровнем социальной напряженности, экономической и социальной активности населения. В заключение А. Зубец на основании измерений настроений населения дал экономический прогноз для России на ближайшие два года. Согласно прогнозу, в целом следует говорить о заметном ограничении потребительской активности населения и бизнеса, которые не дадут российской экономике развиваться более активно. В то же время эта активность остается на достаточно высоком уровне, что дает основания ожидать ограниченного роста российской экономики.

В данном обзоре удалось рассмотреть мероприятия, к сожалению, только одной из линеек IX Грушинской конференции. Подводя итоги, можно отметить, что актуализация проблематики социально-инженерной деятельности создает свои вызовы исследовательской индустрии, которые вынуждают реагировать и профессиональное сообщество социологов. Организаторам конференции и всем ее участникам удалось охватить все главные аспекты проблемы социально-инженерной деятельности и сформулировать ответы на вопрос, возможна ли «меняющая/решающая социология»: от постановки вопроса, теоретико-методологических подходов, до социальных и политических аспектов взаимодействия социологии и социальной инженерии на примере различных кейсов применения социальных исследований в управленческой практике.

Список литературы (References)

Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 131—138.

Dridze T. M. (1994) Man and the Urban Environment in the Forecast Social Design. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 131—138. (In Russ.)

Резник Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения. Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87—96.

Reznik Yu. M. (1994) Social Engineering: Subject Area and Application Boundaries. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2. P. 87—96. (In Russ.)

Тихонов А. В. Социология управления. 2-е изд., перераб. и доп. / А. В. Тихонов. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2007. 472 с.

Tikhonov A. V. (2007) Sociology of Governing. 2nd ed. additional. and revised / A. V. Tikhonov. Moscow: «Canon+» ROOI «Rehabilitation». 2007. 472 p. (In Russ.)

Щербина В. В. Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения (статья 2) // *Социологические исследования*. 2015. № 8. С. 100—108.

Shcherbina V. V. (2015) Population-Selectivity Model of Organization Development: Essence, Sphere and Prospect for Application (part 2). *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8. P. 100—108. (In Russ.)